

С Т А Т Ь И

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080005238-8

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ДВОРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

© 2019

Р. А. ОРЕХОВ

Центр египтологических исследований РАН
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3840-3529>
radamant67@mail.ru

Резюме: дворцы Древнего Египта малоизученны. Это вызвано тем, что большая часть информации, которой мы располагаем, касается дворцов XVIII, XIX и XX династий, т.е. относится к периоду Нового царства (1570–1070 гг. до н. э.). Практически неизвестно, что собой представляли дворцы в период складывания древнеегипетского государства и образования первой столицы объединенного Египта Мемфиса. На основании археологических материалов из Иераконполя автор исследует один из идеологических аспектов функционирования дворца в Раннединастическую эпоху (3150–2686 гг. до н.э.) и приходит к выводу: дворец как средоточие царской власти является связующим звеном между земным миром и миром богов-предков. Соответственно наличие дворца подтверждало легитимность царя, который правил страной по воле и как бы от лица предков. Поэтому дворцовые постройки, как правило, располагались в зоне некрополей.

Ключевые слова: дворцы Древнего Египта, Мемфис, Иераконполь, форт Хасехемуи, Д. О'Коннор.

Для цитирования: Орехов Р. А. О некоторых идеологических особенностях древнеегипетской дворцовой архитектуры. *Восток (Oriens)*. 2019. № 3. С. 6–21. DOI: 10.31857/S086919080005238-8

PALACES IN ANCIENT EGYPT: SOME IDEOLOGICAL ASPECTS

© 2019

Roman A. OREKHOV

Centre for Egyptological Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3840-3529>
radamant67@mail.ru

Abstract: scholars know rather little about palaces in the Ancient Egypt. This is caused by the fact that the most part of the data we currently have come from the New Kingdom palaces (1570–1070 B.C.), namely ones of the 18th, 19th and 20th dynasties. As for the palaces that functioned at times of the Egyptian state formation, when its first capital Memphis was founded, we are barely aware of them (3150–2686 B.C.). Having analyzed the archaeological data from Hierakonpolis, the author concludes that in the Early Dynastic Egypt a palace, the locus of a king's power, was considered the link between the earth and the otherworld where deities and ancestors live. Thus, a palace confirmed a king's legitimacy – he was believed to rule at will and on behalf of the ancestors. This is the reason why these buildings were usually located in necropolis areas.

Keywords: palaces of ancient Egypt, Memphis, Hierakonpolis, Fort of Khasekhemwy, D. O'Connor.

For citation: Orekhov R. A. Palaces in Ancient Egypt: some ideological aspects. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 3. Pp. 6–21. DOI: 10.31857/S086919080005238-8

Уже несколько лет автор данной статьи занимается проблемой становления древнего Мемфиса¹. В настоящий момент в египтологии принят некий условный консенсус, что этот город был основан одним из первых царей в излучине Дельты Нила как столица объединенного государства Верхнего и Нижнего Египта [Jeffreys, 2001]. Поэтому проблема появления данного столичного центра практически неотделима от проблемы появления и функционирования царского дворца, как места средоточия власти правителя. В целом город-резиденция, или столица, может быть определен как место, где царь, его придворные и высшее чиновничество пребывают более-менее постоянно и где расположены необходимые для проживания и функционирования этих людей дворцовые, административные и вспомогательные постройки [Martin, 2000, p. 99].

Так как к настоящему времени о дворцовой архитектуре раннего Мемфиса (впрочем, как и о самом городе) практически ничего не известно, я постараюсь затронуть в данной статье один из идеологических аспектов функционирования дворца в Раннединастическую эпоху на примере дворцового комплекса Иераконполя (II династия). Тем не менее в начале исследования представляется справедливым дать более полную информацию об идеологической составляющей дворцовой архитектуры, известной от более позднего времени. Другие, не менее интересные вопросы, такие как структура дворцового комплекса, его функционирование как административного или хозяйственного учреждения, здесь затрагиваться не будут.

ЧТО МЫ ПОНИМАЕМ ПОД ЦАРСКИМ ДВОРЦОМ?

Дворцы Древнего Египта представляют собой малоизученный феномен в силу того, что они, как правило, находятся в современных густо заселенных районах, которые редко исследуются археологами. Другая проблема в изучении дворцовой архитектуры состоит в том, что большая часть информации, которой мы располагаем, касается дворцов XVIII, XIX и XX династий, т.е. относится к периоду Нового царства (1570–1070 гг. до н.э.). Основным строительным материалом дворцов был сырец, что объясняет крайне плохую степень их сохранности [O'Connor, 1995, p. 264]. Добавим к этому, что многие материалы раскопок остаются вплоть до сегодняшнего дня неопубликованными. Так, например, обстоит дело с дворцом Мернептаха (1212–1202 гг. до н.э.) в Мемфисе [O'Connor, 1991, p. 171].

Какой же смысл египтологи вкладывают в понятие царский дворец? Очевидно, что оно слишком многозначно, чтобы употреблять его без оговорок. Дело в том, что дворцы значительно варьировались по своему статусу, размерам и планировке. По большей части наши знания относятся к крупным городским дворцам. Однако существовали еще и провинциальные дворцы, которые были, как правило, меньше по размерам и проще по структуре. Например, практически каждый фараон Нового царства имел не один, а несколько дворцов в каждом из столичных городов², которые могли использоваться и функционировать одновременно [O'Connor, 1989, p. 73].

¹ Автор выражает искреннюю благодарность ст.н.с. НИИ антропологии им. Д. Н. Анучина (МГУ) А. А. Кролу за помощь в написании статьи.

² В эпоху Нового царства в Египте существовало несколько крупных столичных центров, таких как Фивы, Мемфис, Ахетатон (Амарна), Пер-Рамсес и Танис, основывавшихся в различных частях Египта в зависимости от смены политических ориентиров или экологических условий. За редким исключением (прежде всего период Амарны), все эти центры постоянно сохраняли свой статус. Поэтому очевидно, что в каждом из них могли находиться различные типы дворцов, различающихся по своему функциональному назначению. Исследования

По мнению Б. Кемпа, дворцом в каком-то смысле можно назвать любое архитектурное сооружение, в котором пребывает правитель [Кемп, 1991, р. 218]. Цари Египта довольно много времени проводили в разъездах. Если путешествие было незапланированным, царь мог останавливаться на ночь и в походном шатре, однако если речь шла о формальном выезде, то на пути следования царского кортежа сооружались путевые дворцы, в которых непременно должен был находиться зал с царским тронном. Именно нахождение трона, как правило, и даёт ученым право идентифицировать руинированные постройки как дворцы (см. *рис. 1*) [Кемп, 1991, р. 218]. Б. Кемп считает, что число различного типа дворцов – от мест отдыха на одну ночь до целых комплексов зданий в крупных городах, где царь мог себя чувствовать почти «как дома», – могло быть значительным [Кемп, 1991, р. 218].

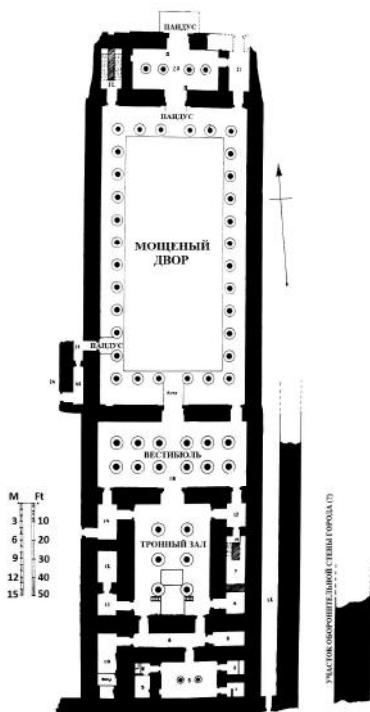

Рис. 1. Дворец Мернептаха в Мемфисе [O'Connor, 1991, p. 193, fig. 1].

Крупнейший исследователь дворцовой архитектуры Д. О'Коннор также выделяет несколько типов дворцовых сооружений:

1. Резиденции, в которых фараон жил более-менее постоянно.
2. Дворцы для отдыха (своеобразный аналог загородных дач), в которых правитель жил в течение ограниченного периода времени.

Д. О'Коннора, на работы которого я буду ссылаться ниже, опираются преимущественно на сохранившиеся элементы дворцовой архитектуры, изобразительный и эпиграфический материал. В настоящее время археологами выявлены остатки нескольких крупных дворцовых комплексов в Фивах, Мемфисе и Пер-Рамсесе, а также в ряде провинциальных городов. К сожалению, из-за высоко уровня урбанизации этих районов полноценное археологическое исследование этих комплексов невозможно (например, в Кантире, на месте Пер-Рамсеса, или в Тель-эль-Дабба, на месте Авариса, многие структуры выявляются исключительно геомагнитными методами).

3. Административные, в которые царь приезжал для решения бюрократических проблем.

4. Церемониальные, в которых царь отправлял значимые церемонии в течение срока своего правления [О'Коннор, 1989, р. 78].

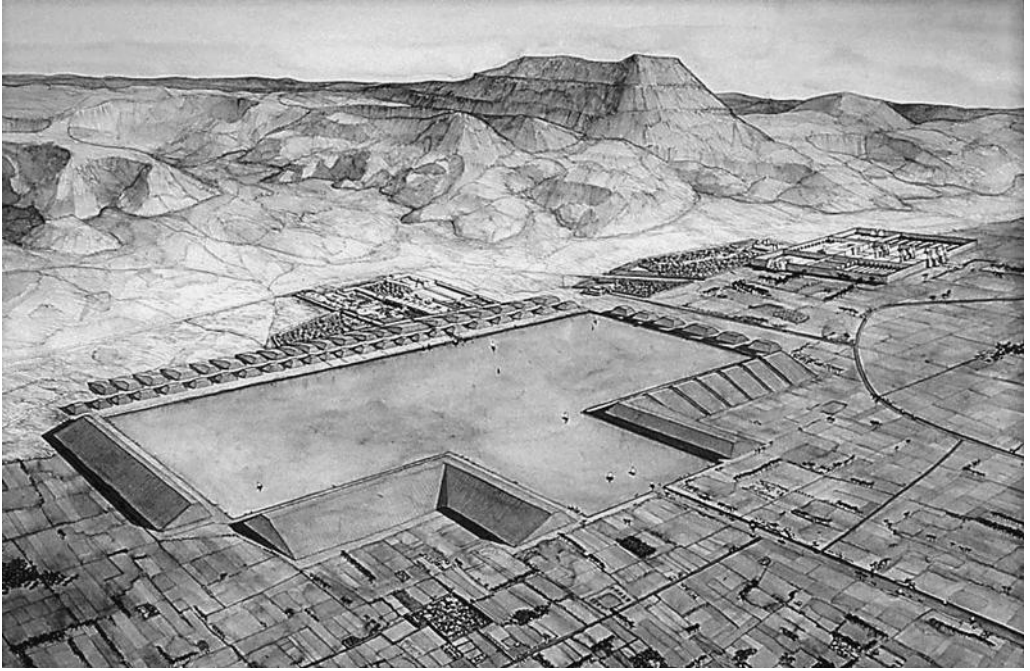

Рис. 2. Мальката: на переднем плане искусственное озеро Биркет-Абу, позади него дворцовый комплекс Аменхотепа III, справа – заупокойный храм Рамсеса III в Мединет-Абу (современная реконструкция – <http://jeanclaudegolvin.com/en/malgata/> – дата обращения 26.02.2019).

Церемониальный дворец, по мнению Д. О'Коннора, представлял собой дворец, в котором царь осуществлял различного рода ритуалы. Другого предназначения у этих дворцов не было. Административный дворец был предназначен для управления страной. В нем также проходили церемонии, связанные с награждением высших чиновников. Своеобразные реплики административных дворцов встречаются в царских заупокойных храмах (см. рис. 3)³. Вероятно, они служили уже умершему правителю, которого представляла статуя царя, восседающего на троне. Ни церемониальные, ни административные дворцы не были предназначены для длительного проживания, хотя в них и были распо-

³ Речь идет о небольших дворцовых пристройках (приблизительно 12×15 м), известных преимущественно по заупокойному храму Рамсеса III в Мединет-Абу, Сети I в Гурне, и, возможно, Хатшепсут в храме Карнака [Stadelmann, 1996, р. 225–230]. Их назначение доподлинно неизвестно. О'Коннор полагает, что они предназначались исключительно для статуи умершего царя. Предположение исследователя вполне правомерно. Например, во дворце-реплике в Мединет-Абу, рядом с царским изображением находится надпись, в которой сказано, что «царь воссяет во дворце (*ḥ*) своего великолепного храма (*ḥwt*)» [Veigel, 2007, Abb. 67–68]. В последнем случае очевиден намек на коронацию, т.е. подтверждение царского статуса умершего царя богами-предками. Тем не менее очевидно, что данное сооружение могло иметь параллели в гражданской архитектуре, представляя уменьшенную копию как дворцовой, так и просто крупной жилой постройки (см. более подробно исследование [Veigel, 2007, р. 135–137]. На административный статус указывает прежде всего упрощенная внутренняя структура.

ложены места для приема пищи, спальни, туалетные комнаты и помещения для облачения на те случаи, когда фараон находился во дворце. Как полагает О'Коннор, несмотря на то, что до нашего времени сохранился лишь один дворец-резиденция в Малькате (Фивы, южнее Мединет-Абу см. *рис. 2*), другие типы, безусловно, также существовали [O'Connor, 1989, p. 78]. Как считает исследователь, все эти дворцы, несмотря на свое различное функциональное назначение, имели общие архитектурные черты [O'Connor, 1991, p. 172], которые соответствовали определенной идеологической программе [O'Connor, 1989; O'Connor, 1991; O'Connor, 1995].

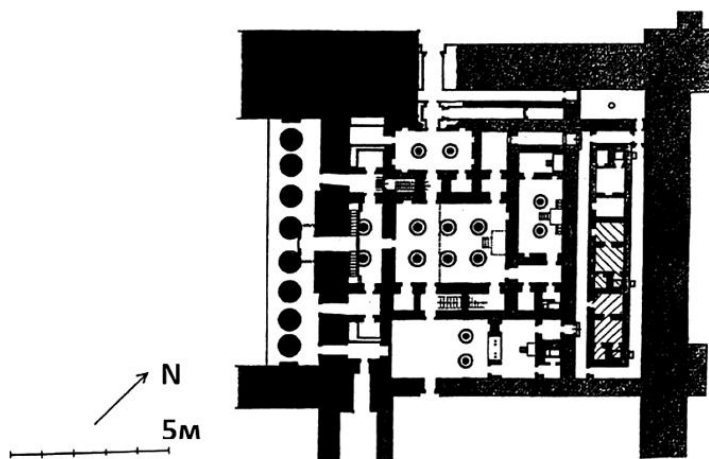

Рис. 3. Дворец-реплика из Мединет-Абу [Veigel, 2007, Abb. 68].

ДВОРЕЦ КАК ОБРАЗ ЕГИПЕТСКОГО КОСМОСА (ЭПОХА НОВОГО ЦАРСТВА)

Египтологами были давно отмечены многочисленные черты сходства в архитектуре и оформлении древнеегипетского храма и дворца.

Рис. 4. Храмовый комплекс в Карнаке [Veigel, 2007, Abb. 83].

По мнению О'Коннора, дворец в Древнем Египте был не только резиденцией правителя и административным центром, хотя эти его функции, безусловно, были чрезвычайно важны, но прежде всего связующим звеном между земным миром и космосом. Другими словами, план, архитектурная форма, декоративное оформление дворца и начертанные на его стенах тексты были предназначены для того, чтобы связать церемониальную и административную деятельность правителя, а также его частную жизнь с космическими процессами. Это придавало высший смысл и значимость всем деяниям фараона [O'Connor, 1995, p. 265].

В этом отношении роль дворца схожа с ролью храма в Новом царстве (см. *рис. 4*). При строительстве дворцов египтяне руководствовались теми же принципами, что и при строительстве храмов: и те, и другие мыслились ими как своего рода модель космоса, предназначенная для поддержания порядка во вселенной и для защиты ее от угрозы хаоса посредством ритуалов. Таким образом, дворцовым церемониям придавалось такое же значение, как и храмовым богослужениям.

Рис. 5. Дворцовый комплекс Малькаты [Veigel, 2007, Abb. 65–66].

Все церемониальные дворцы (например, южный и северный дворцы в Дейр-эль-Балласе эпохи начала Нового царства, дворец Мернептаха в Мемфисе, ритуальный комплекс Аменхотепа III в Ком-эль-Самак и др.), так же как и большинство храмов, имеют в плане прямоугольную форму. Отношение длины к ширине составляет приблизительно в конструкции дворцов 1:3,2, у храмов 1:2,8 (резиденция в Малькате имела несколько отличные пропорции, приблизительно 1:2,2). В дворцах-резиденциях, таких как, например, Мальката (см. *рис. 5*), в отличие от других дворцов, двор заменен широким крытым колонным залом для аудиенций. По своей конструкции крытые части дворца схожи с подобными частями храма. Подобно тому как в храмах главное святилище окружено дополнительными божницами и хранилищами, так и во дворце тронная зала окружена комнатами для царской свиты и вспомогательными помещениями. При этом во дворцах, как и в храмах, пол и потолок в основных помещениях были выше, чем в помещениях второстепенных и вспомогательных.

Такие элементы дворцовой архитектуры, как балки, дверные проемы, колонны, а также рельефы и росписи сохранились крайне фрагментарно. Прежде всего, они известны

по материалам раскопок церемониального дворца Мернептаха в Мемфисе⁴, а также по репликам административных дворцов, расположенных в заупокойных храмах XIX династии в Западных Фивах [O'Connor, 1989, p. 77]. Сопоставление разрозненных свидетельств, дошедших из этих памятников, позволяет сделать следующие выводы. Фасады дворцов, также как и фасады храмов, украшались изображениями царского триумфа над иноземцами. Во дворце Мернептаха аналогичные сцены встречаются на колоннах, дверных проемах. Внутренние стены дворца были покрыты изображениями царских праздников (например, хеб-седа), происходивших внутри дворца, а также процессий, которые покидают дворец. Все это очень схоже с изображениями в храмах. Дворец Мернептаха был украшен многочисленными изображениями царя, выполняющего как ритуалы перед богами (прежде всего Птахом, покровителем Мемфиса), так и другие царские ритуалы, имеющие прямые параллели в оформлении храмов. Более того, и в храмах, и во дворцах потолок имитировал небо, а колонны изображали растения [O'Connor, 1989, p. 77].

Все это позволяет сделать вывод о том, что царь, находящийся во дворце и отправляющий ритуалы, воспринимался как равный богам по своему космическому значению и власти, а сам дворец, подобно храму, представлял собой схематический образ космоса. Изображения же покоренных иноземцев олицетворяли хаос и беспорядок, над которым, однако, одерживает верх упорядоченный космос. Находящаяся выше других частей храма святая святых, в котором пребывала статуя бога, и соответствующий ей тронный зал во дворце олицетворяли первородный холм, на котором бог-творец или царь находились при сотворении мира [O'Connor, 1989, p. 77].

Пилоны и стены как дворца, так и храма ограждали священный мир, где свершался акт творения и обновления жизни. Статуя божества, выносимая во время праздников из пилона храма, равно как и царь, покидающий свой дворец, или стоящий в «Окне появлений» (т.е. места, в котором его могли видеть не только придворные, но и многие горожане), ассоциировались с солнцем, сияющим и обновляющим землю [O'Connor, 1989, p. 78].

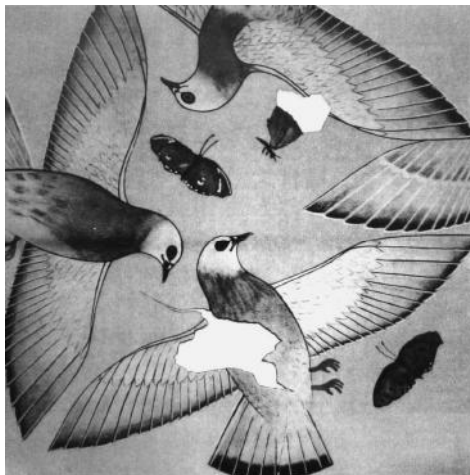

Рис. 6. Роспись во дворце Аменхотепа III в Малькате [Tytus, 1994, pl. III].

⁴ Дворец находился в непосредственной близости от храма Птаха, где совершали коронацию почти все цари Нового царства. Сюжет коронационных церемоний присутствует и в изобразительной программе дворца Мернептаха (O'Connor, 1991, p. 198, fig. 10). Последний факт свидетельствует в первую очередь о церемониальном характере данного сооружения. Впрочем, нельзя исключить, что дворец использовался царем и как административный центр.

Эту же семантику имели и изображения прудов на дворцовых полах, наполненных до краев рыбой, а также зарослей нильских растений, в которых бегают зверье и гнездятся птицы (см. *рис. 6*). Учеными предлагались различные интерпретации этих сцен, однако самой убедительной, по мнению О'Коннора, является та, что объясняет их как изобразительный эквивалент гимнам, описывающим природу, приветствующую восходящее солнце [O'Connor, 1989, p. 77].

О'Коннор перечисляет следующие схожие черты дворцовой и храмовой архитектуры: строго прямоугольный план, который должен был соответствовать ходу храмового ритуала и дворцовых церемоний; храмовый пилон, которому соответствовал высокий фасад дворца; открытый двор с колоннадой; постепенный подъем уровня пола по направлению от входа вглубь; крытые залы с колоннами [O'Connor, 1991, p. 183].

Не менее важной составляющей идеологической программы дворца, по мнению О'Коннора, являлось то, что как царский дворец, так и храм рассматривались египтянами как место, где мир был сотворен и где он периодически обновлялся. Фараон, пребывающий в своем дворце, был богом-творцом, наполняющим всех подвластных себе существ и весь космос дыханием жизни [O'Connor, 1991, p. 184–185].

ДВОРЦЫ РАННЕДИНАСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (3150–2686 гг. до н.э.)

Приведенные рассуждения Д. О'Коннора касаются прежде всего дворцовой символики Нового царства. Но как быть с теми дворцами, которые существовали в прежние исторические эпохи? Разумеется, мы не можем осветить так подробно дворцы Раннединастического времени, а тем более дать им надежную классификацию. Можно только предположить, что в эпоху первых династий, несомненно, существовали не только места для отдыха царской персоны, но и церемониальные дворцы, которые должны были демонстрировать легитимность нового правителя объединенного Египта. Итак, что мы знаем о дворцах Раннединастического периода?

Согласно анналам Палермского камня, во время объезда страны (*šmsw-hrw*), который происходил раз в два года, правитель демонстрировал свою власть над Египтом, разрешал конфликты на местах, чинил суд, посещал религиозные праздники, например, в таких крупных городах, как Абидос (Тин) или Иераконполь (Нехен) [Wilkinson, 2000, p. 120]. По мнению Й. ван Ветеринга, во многих городах, вероятно, существовали путевые дворцы, в которых царь и его двор останавливались во время своего путешествия по стране [van Wetering, 2006, p. 1057].

Устройство походного лагеря при постоянных перемещениях по стране требовало огромного количества строительного материала [Kuhlman, 1996, S. 120]. Кроме того, в таких условиях резиденция правителя, скорее всего, отличалась от остальных строений лишь своими размерами, но не архитектурой. По мнению К. Кульмана, маловероятно, что в качестве основного строительного материала для этих целей использовались пальмовые ветви (*gerid*), так как для постройки поселения *gerid* потребовался бы в количестве, которое неизбежно привело бы к уничтожению пальмовых деревьев, использовавшихся прежде всего как источник питания, а не строительного материала [Kuhlman, 1996, S. 120]. К. Кульман считает, что до того времени, как ливанский кедр и сырцовый кирпич прочно заняли место главных материалов для возведения храмов, дворцов и гробниц, египетская архитектура была исключительно стиля *сериф*, основой которого был тростник, запасами которого в Додинастический и Раннединастический периоды Египет обладал в достаточном количестве. Использование тростника в качестве главного строительного материала определяло внешний вид зданий. Из тростника проще построить здание со сводчатым перекрытием, хотя тростник позволяет строить и дома с плоской крышей [Kuhlman, 1996, S. 120]. По мнению исследователя, царский дворец, в том

виде, в котором он изображался на позднелидинастических и раннелидинастических памятниках⁵, представлял собой сплетенный из тростника каркас в форме арки, к которому крепились маты (см. рис. 6)⁶. Вся конструкция была ориентирована по оси север–юг, причем вход располагался на южной стороне. Циновки, которые покрывали каркас северной стены сооружения, могли подниматься, с тем чтобы северный ветер мог продувать здание во время летней жары [Kuhlman, 1996, S. 128].

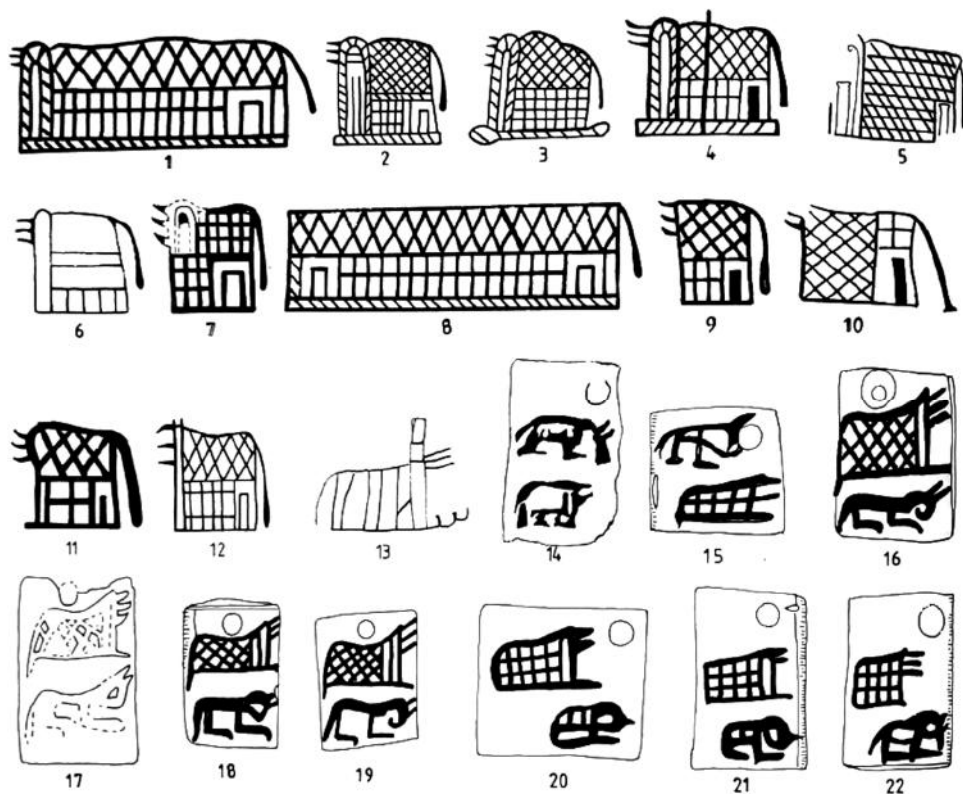

Рис. 7. Изображение архаического путевого царского дворца в стиле *сериф* на годовых табличках и оттисках царских печатей (по Kuhlman, 1996, S. 122, fig. 5)

Значительная часть статьи К. Кульмана посвящена анализу гипотезы, высказывавшейся рядом ученых, согласно которой конструкция царских дворцов Раннелидинастического периода имитировала тело тотемного животного: гиппопотама, слона, шакала или

⁵ К. Кульман использует в данном случае более детализированную периодизацию Ф. Хассана, в которой Раннелидинастическому периоду соответствуют годы – 4000–3900, Среднелидинастическому – 3900–3650, Позднелидинастическому – 3650–3300 гг. до н.э. Завершающий этап Делидинастического периода падает на годы 3300–3050 гг. до н.э. [Hassan, 1985; Hassan, 1988].

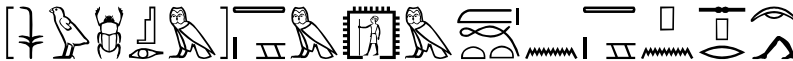
⁶ Безусловно, речь идет в данном случае не о фундаментальной постройке (см. далее), а скорее временном шатре (палатке). Впрочем, К. Кульман не исключает, что именно сооружение данного типа послужило прообразом знаменитых верхнеегипетских святилищ *pr-wr*, в которых почитался умерший царь [Kuhlman, 1996, S. 137]. В то же время исследователь справедливо указывает на тот факт, что при сооружении архаических святилищ использовалась иная строительная технология: кирпич, деревянные балки, сплошные стены из сырца, покатая крыша [Kuhlman, 1996, S. 137]. Учитывая, что подобные изображения зачастую соседствовали на одновременных памятниках, К. Кульман делает вполне обоснованное предположение, что перед нами именно путевая царская палатка («Koenigszelt»).

крокодила (см. *рис. 7*). По мнению исследователя, те архитектурные части царского дворца на памятниках Раннединастического периода, которые некоторые ученые воспринимают как воспроизведение частей тела животного, на самом деле были функционально значимыми. Так, например, элемент конструкции дворца, изображенный свисающим с крыши вдоль задней стены, по мнению К. Кульмана, является не имитацией хвоста животного, а плетеной веревкой, при помощи которой при необходимости поднимались маты, покрывавшие стену, и открывался проход и/или окно для циркуляции воздуха в летние ночи [Kuhlman, 1996, S. 128].

Тем не менее, согласно мнению исследователя, в технике *сериф* египтяне возводили лишь «путевые», временные дворцы, которые использовались при совершавшихся регулярно *šmsw-hrw* – имевших, очевидно, фискальные цели объездах царем и его свитой подвластных земель. Постоянные же резиденции египетских правителей строились, по крайней мере уже в Раннединастическую эпоху, из сырцового кирпича и деревянных балок [Kuhlman, 1996, S. 137].

Так, согласно свидетельству Манефона, первый дворец в Мемфисе был построен преемником первого царя Египта Менеса Атотисом (Manetho. Epit. Fr. 6–7, 2). Если этому свидетельству можно доверять, то перед нами, очевидно, первая постройка, которую можно отождествить не с походным дворцом, а с церемониальным, призванным легитимировать власть царя над объединенным Египтом. Сведения об этом дворце, вполне возможно, сохранились в знаменитом «Памятнике Мемфисской теологии». Данный памятник, несмотря на его позднюю датировку (время кушитского владычества, т.е. 716–702 гг. до н.э.), многие исследователи относят к более раннему времени, т.е. образования египетского государства. Что же это за дворец?

Чтобы понять это, обратимся к тому месту «Памятника», где говорится о строительстве дворца Мемфиса после того, как Геб провозгласил Хора, сына Осириса, наследником объединенного Египта. Итак, текст утверждает, что дворец Хора был построен к северу от храма Птаха:

[šw hpr Wsjr m] t3 m hwt Tjj m gs mh'tt n t3 pn spr

[И вот стал Осирис] землей во дворце Ити, на северной стороне этой страны, (куда он) вошел /вар.: с которой слился.

И далее:

[hpr] n kdw hwt Tjj

[Случилось] строительство дворца Ити [Sethe, 1928, S. 40, 42].

Данные фрагменты представляют интерес сразу с нескольких сторон. Как полагает К. Зете, лексема Ити (*Tjj*, буквально «отеческий») в первую очередь указывает на царя, поэтому *hwt Tjj* – царский дворец. Однако нельзя исключить и того, что под Ити правомерно понимать именно царя-преемника Менеса Атотиса-*Tj* δ'Αῠῶθης, Manetho. Epit. Fr. 6–7, 2), который, как мы указали выше, первым соорудил в Мемфисе царский дворец

[Sethe, 1928, S. 41]. Из формы иероглифического знака следует, что царский дворец в Раннединастическую эпоху имел квадратную форму и был окружен многочисленными контрфорсами. Очевидно при этом, что внешне это сооружение больше напоминало крепость. Однако следующий аспект куда более важен, и надо выделить это особо. Этот дворец не просто располагался в зоне некрополя, т.е. на западном берегу, в районе

Саккары, а фактически находился на могиле Осириса⁷! Почему текст «Памятника» делает акцент именно на этом?

Очевидно, что данный факт являлся подтверждением права Хора на престол Египта, так как Хор – прямой наследник Осириса. Следовательно, нахождение дворца на отеческой могиле служит самым надежным критерием легитимности нового царя. Осирис – это легитимный царь Египта, царь-цивилизатор, незаконно устраненный от власти своим соперником Сетом. И суд богов устами Геба, отца Осириса, передает престол Египта Хору. И хотя этот миф, несомненно, относится к более поздней, Кушитской эпохе, мы можем проследить его истоки в более раннее время, а именно в эпоху Раннего царства.

ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС ИЕРАКОНПОЛЯ («ФОРТ»)

Так, на территории «старого города» в Иераконполе находится удивительное сооружение. Первые исследователи памятника назвали его «фортом» (см. *рис. 8*), и это наименование закрепилось в египтологической литературе, хотя позднее стало очевидно, что оборонительных функций эта постройка не имела [Friedman, 2007, p. 309].

На сегодняшний день это самое древнее в мире культовое и одновременно гражданское сооружение из сырцового кирпича [Friedman, 2004, p. 30]⁸. В 1935 г. А. Лансинг, проводивший раскопки на территории «форта», обнаружил фрагмент гранитной дверной балки с начертанным на нем именем Хасехемуи (II династия, ок. 2700–2686 гг. до н.э.) [Friedman, 1999, p. 11]. Памятник представляет собой массивное, почти квадратное сооружение (64,7×56,7 м), ориентированное по сторонам света [Friedman, 2007, p. 310]. Толщина стен достигает 4,7 м, а высота наиболее сохранившей западной стены 9 м (см. *рис. 9*). Поверхность массивной внутренней стены и внешней ограды покрыта слоем побелки [Friedman, 2007, p. 317].

В результате раскопок, проводившихся в 1999 г. Иераконпольской экспедицией под руководством Р. Фридман, были получены данные, которые позволяют предполагать, что в центре «форта» находилось здание размерами 19×10 м из сырцового кирпича.

Многочисленные фрагменты плит из красного гранита с рельефными изображениями были обнаружены в ходе раскопок А. Лансинга [Lansing, 1935] и Иераконпольской экспедицией Р. Фридман. Эти фрагменты позднее тщательно исследовала Н. Алексанян [Alexanian, 1998]. По ее предположению, плиты, вероятно, облицовывали либо стены врат, либо здание в центре «форта» [Alexanian, 1998, S. 14]. На рельефах представлен царь, облаченный в церемониальные одеяния, в окружении слуг и жрецов, совершающий ритуальный бег [Alexanian, 1998, S. 14]. На одном из фрагментов сохранились верхняя часть престола, серех с именем фараона Хасехемуи, часть «мухобойки» и белой короны (см. *рис. 10*).

⁷ Как полагает издатель текста К. Зете, перед нами часть коронационных церемоний, которые разыгрывались в районе исторического Мемфиса, в храме Птаха [Sethe, 1928, S. 41]. Поэтому место символического погребения Осириса, согласно данному сценарию, находилось там же, но в районе западного берега. Согласно тексту «Памятника», первоначально Осирис тонет, затем его выносят из воды, а позже, на месте погребения Хор и Тот возводят царский дворец-крепость *ḥwt Jjij* [Sethe, 1928, S. 41–43]. Перед нами идеологическая фикция, основанная, очевидно, на древнем ритуале, когда могила предшественника служит обоснованием права преемственности на трон (см. далее). В случае кушита Шабаки, очевидно, это все цари, погребенные в некрополе западного берега. Самые ранние типы подобного рода сооружений, как мы увидим далее, находились в Верхнем Египте, прежде всего – в Иераконполе, а затем в следующей по времени столице – Абидосе. Дворцовые постройки Абидоса первых династий – так называемые «ограды» – требуют более тщательного изучения и будут рассмотрены в одной из следующих работ. В эпоху Среднего царства, когда культ Осириса получает дальнейший импульс для своего развития, в этом религиозном центре в качестве его символической могилы (кенотафа) использовали гробницу царя I династии Джера. В его погребальной камере археолог Амелино нашел даже гроб Осириса со стертой надписью царя XIII династии Хенджера. Эта гробница-кенотаф, вероятно, также использовалась в религиозных праздниках и коронационных торжествах.

⁸ После окончательного переноса столицы в Нижний Египет «форт» продолжал выполнять функции административного центра Верхнего Египта в начальный период Древнего царства [Friedman, Bussman, 2018].

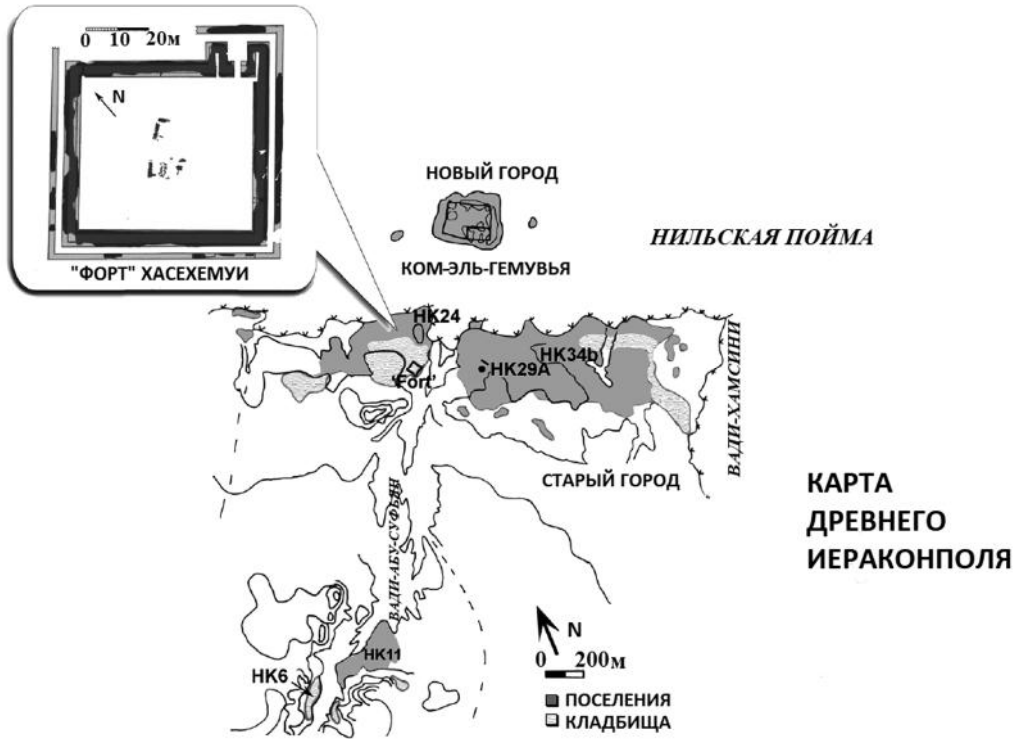

Рис. 8. Форт Хасехемуй на карте Иераконполя [Friedman, Bussman, 2018, p. 79, fig. 1].

Рис. 9. «Форт» Хасехемуй в Иераконполе до консервации [Alexanian, 1998, Taf. 8a].

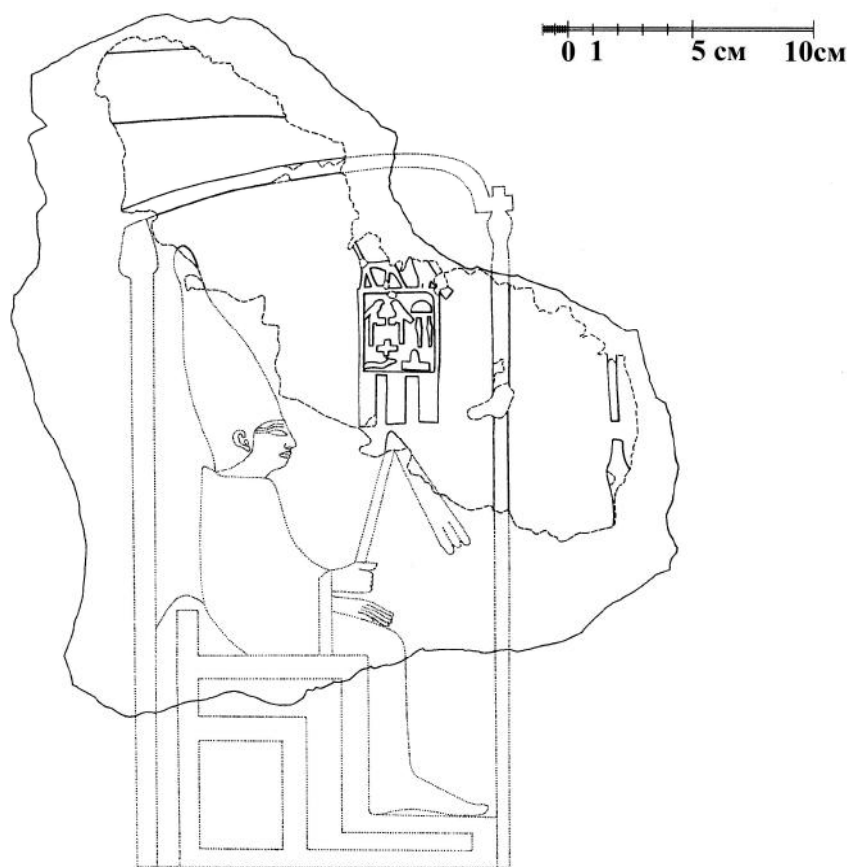

Рис. 10. Реконструкция изображения Хасехемуи [Alexanian, 1998, Taf. 2, 8].

По мнению Н. Алексанян, эти символы власти указывают на то, что на рельефе запечатлен один из ритуалов хеб-седа. Учитывая, что «форт» не был связан с культом местных богов, и на его территории могло уместиться достаточно много людей, скорее всего там отправляли коллективные ритуалы, связанные с культом царей [Alexanian, 1998, S. 12–17, 21].

Однако при этом сотрудники Иераконпольской экспедиции отметили, что среди керамики, найденной при раскопках «форта», нет образцов, характерных для культового контекста, которые известны, например, по исследованиям «ограды» Хасехемуи в Шунет-эль-Зебиб или его же гробницы в Абидосе. Большинство керамических форм использовались в повседневной жизни [Raue, 1999, p.13]. Как полагает Р. Фридман, своей архитектурой «форт» в большей степени напоминает царский дворцовый комплекс, на территории которого в том числе проводились такие ритуалы, как хеб-сед или коронация [Friedman, 1999, p. 12].

Таким образом, можно предположить, что перед нами некий древнейший прототип дворца более позднего времени, который своей формой, по сути, копирует иероглиф

дворца из «Памятника Мемфисской теологии». Очевидно, что в то далекое время не было столь широкой дворцовой специализации, и комплекс мог как совмещать функ-

ции ритуального и жилого пространства, так и служить административным центром. Однако самое удивительное другое, этот «форт» был возведен не просто на месте додинастического кладбища, а непосредственно на ранних могилах (см. *рис. 11*)!

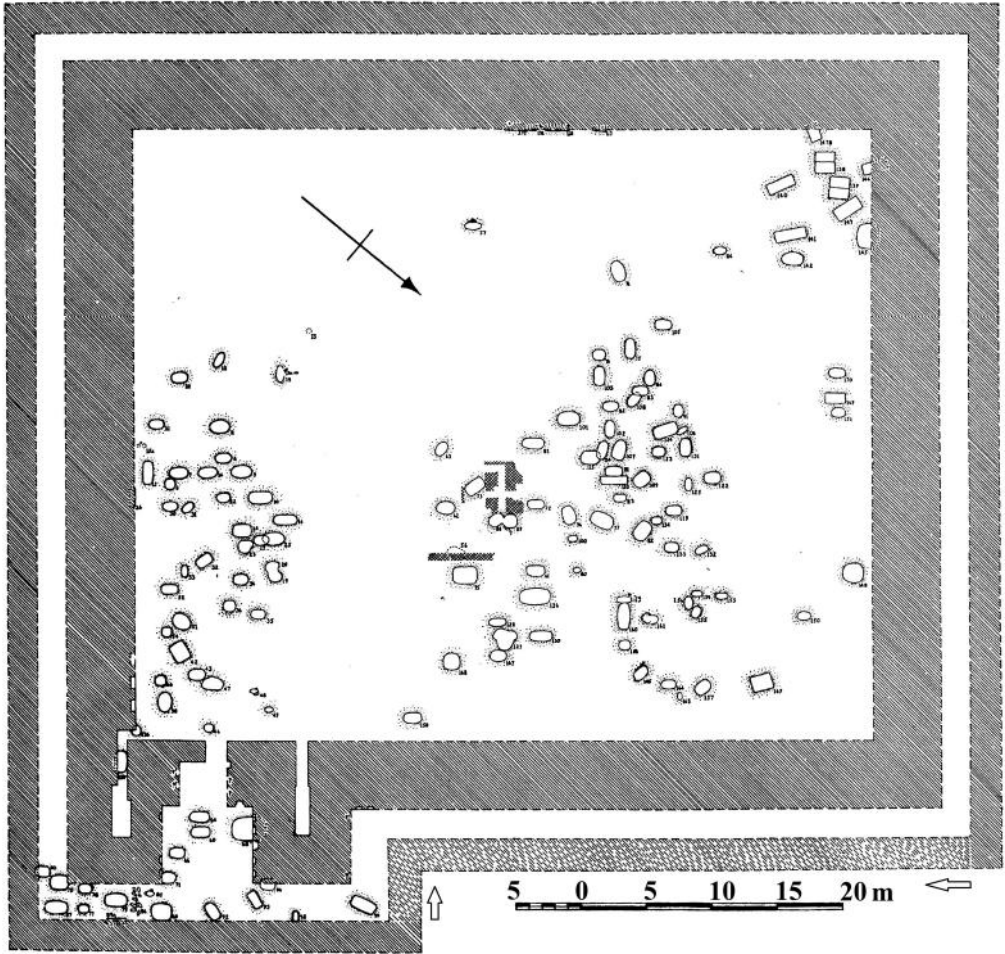

Рис. 11. План форта, сооруженного на месте кладбища. Стрелкой обозначен участок, где могли располагаться внешние ворота, которые не сохранились [Alexanian, 1998, Taf. 4, Abb. 16].

Следовательно, перед нами достаточно древние представления, согласно которым царь правит страной в соответствии с волей предков, как бы опираясь на их авторитет и являясь, в том числе, их прямым потомком и наследником. Учитывая, что Иераконполь довольно долго являлся столичным центром Верхнего Египта (а возможно, и Нижнего!), мы можем выделить достаточно важную культовую функцию дворца, как места, легитимирующего власть вновь избранного правителя в соответствии с волей предков. Именно эти представления дошли в несколько измененном виде в «Памятнике Мемфисской теологии», т.е. тогда, когда Мемфис действительно стал столицей Египта и там был сооружен дворец царя, окончательно переместившего туда свою резиденцию. Вопрос о времени, когда это могло произойти, мы оставляем открытым.

Во всяком случае, у нас нет информации о существовании подобных дворцов на территории исторического Мемфиса в Раннединастическую эпоху. Но при этом совершенно очевидно, что главная идеологическая функция царского дворца, в какой бы части Египта он ни находился, подчеркивала его тесную связь с миром предков. Возможно, именно по этой причине знаменитый дворцовый комплекс Аменхотепа III в Малькате, в котором были объединены функции жилого, административного и ритуального пространства, был сооружен на территории западного берега, рядом с заупокойными храмами царей-предшественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Alexanian N. Die Reliefdekoration des Chaschemui aus dem sogenannten Fort in Hierakonpolis. *Les critères de datation stylistiques à l'Ancien Empire*. Bibliothèque d'étude 120. Ed. N. Grimal. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1998. Pp. 1–21.

Friedman R., Bussmann R. The Early Dynastic palace at Hierakonpolis. *Palaces in Ancient Egypt and the Ancient Near East, Egypt: contributions to the archaeology of Egypt, Nubia and the Levant Vol. I*. Eds: M. Bietak, S. Prell. Vienna: Austrian Academy of Sciences, the University of Würzburg, Egypt Exploration Society, 2018. Pp. 79–99.

Friedman R. Investigations in the fort of Khasekhemwy. *Nekhen News*. T. 11. 1999. Pp. 9–12.

Friedman R. Fixing the fort. *Nekhen News*. T. 16. 2004. Pp. 30.

Friedman R. New observations on the fort at Hierakonpolis. *The archaeology and art of Ancient Egypt: essays in honor of David B. O'Connor, Vol. I*. Eds: Z. Hawass, J. Richards. Cairo: Annales du Service des Antiquités de l'Égypte, Cahier 36. 2007. Pp. 309–336.

Hassan F. A. Radiocarbon Chronology of Neolithic and Predynastic Sites in Upper Egypt and the Delta. *The African Archaeological Review*. T. 3. 1985. Pp. 95–116.

Hassan F. A. The Predynastic of Egypt. *Journal of World Prehistory*. T. 2.2. 1988. Pp. 135–185.

Jeffreys D. G. Memphis. *The Oxford Encyclopedia of ancient Egypt. Vol. II*. Oxford-New York: Oxford University Press. 2001. Pp. 373.

Kemp B. *Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization*. London – New York: Routledge, 1991.

Kuhlmann K. P. Serif-style Architecture and Design of the Archaic Egyptian Palace (“Königszelt”). *Haus und Palast im Alten Ägypten*. Ed. M. Bietak. Vienna, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1996. Pp. 117–137.

Lansing A. The Egyptian Expedition 1934–1935. The Museum's Excavations at Hierakonpolis. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Arts, New York*. T. 30. 1935. Pp. 37–45.

Martin G. T. Memphis: the status of a residence city in the Eighteenth Dynasty. *Abusir and Saqqara in the year 2000. Archiv orientální. Supplementa IX (2000)*. Eds: M. Bárta, J. Krejčí. Prague: Academy of Sciences, 2000. Pp. 99–120.

O'Connor D. B. City and palace in New Kingdom Egypt. *Cahiers de recherche de l'Institut de papyrologie et égyptologie*. Lille, 1989. T. 11. Pp. 73–87.

O'Connor D. B. “Mirror of the cosmos”: the palace of Merenptah. *Fragments of a Shattered visage: The proceedings of the International symposium on Ramesses the Great*. Monographs of the Institute of Egyptian Art and Archaeology I. Eds: E. Bleiberg, R. Freed. Memphis: Memphis State University, 1991. Pp. 167–198.

O'Connor D. B. Beloved of Maat, the horizon of Re: the royal palace in New Kingdom Egypt. *Ancient Egyptian kingship*. Eds: D. O'Connor, D. P. Silverman. Leiden – New York – Köln: Brill, 1995. Pp. 263–300.

Kuhlmann K. P. Serif-style Architecture and the Design of the Archaic Egyptian Palace (“Königszelt”). *Haus und Palast im alten Ägypten*. Ed. M. Bietak. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 1996. Pp. 117–137.

Raue D. Pottery from the Hierakonpolis fort. *Nekhen News*. T. 11. 1999. Pp. 13.

Stadelmann R. Temple Palace and Residential Palace. *Haus und Palast im alten Ägypten*. Ed. M. Bietak. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 1996. Pp. 225–230.

Sethé K. *Dramatische Texte zu Altaegyptischen Mysterienspielen*. Leipzig: Hinrichs, 1928.

De P. Tytus R. *A Preliminary Report on the Re-excavation of the Palace of Amenhotep III*. San Antonio – Texas: Van Siclen Books, 1994.

Veigel I. *Untersuchungen zum Einfluss der Wohnhaus- und Tempelarchitektur auf die Beamtengräber des Neuen Reiches in Amarna, Theben und Memphis. Zur Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin im Februar 2007*. Berlin: Universität Berlin, 2007.

Wetering J. van. The Royal Cemetery of the Early Dynastic Period at Saqqara and the Second Dynasty Royal Tombs. *Egypt at its Origins. Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt". Krakow, 28th August – 1st September 2002*. Eds: S. Hendrickx, R. F. Friedman, K. M. Cialowicz, M. Chlodnicki. Leuven: Brill, 2004. Pp. 1055–1080.

Wilkinson T. A. H. *Royal Annals of Ancient Egypt. The Palermo Stone and its associated Fragments*. Londres – New York: Kegan Paul International, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОРЕХОВ Роман Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, Москва, Россия.

Roman A. OREKHOV – PhD (History), Research Fellow; Centre for Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.